

Воспоминания Анны Геут из Благовещенска

Анна Геут, фотография из соцсети

В крестном ходу по Амурской земле принимала участие журналистка и режиссер Анна Геут из Благовещенска. Одним из ее послушаний стало собирать фотоматериал и писать статьи о событиях программы «Под звездой Богородицы» и конкретно о крестном ходе «Владивосток - Москва». По электронной почте она каждый день отправляла материалы в Москву для сайта фонда «Андреевский флаг» и газеты «Русь Державная». Вместе с крестоходцами луча «Владивосток - Москва» прошла 900 км, в конце программы с лучом «Ростов-на-Дону - Москва» прошла еще 550 км.

Анна была в эпицентре событий, связанных с крестным ходом и знала, о чем пишет. Эта работа была не менее важной, чем молитва, хотя она чудом успевала и писать, и молиться. Это не просто: быть вместе со всеми в строю, а потом, когда все отдыхают, писать и подбирать самые лучшие фотографии до поздней ночи, а рано утром опять в строй. Вестей с крестного хода ждала вся страна, всем, кто соприкоснулся с событиями программы и особенно молящимся дома, хотелось быть в курсе, ведь они чувствовали себя сопричастными к этим событиям. Для них было важно каждое обновление сайта, каждая фотография с уже знакомыми лицами крестоходцев, и поэтому ее труд был бесценен.

Из дневника Марины из Хабаровска: «Анна - молодая, веселая, свободно владела компьютером, модемом, понимала, что такое «блютус» и многое другое для оперативной передачи материалов в Москву. Она обладала очень тонким складом ума и юмором, могла поддержать любую интересную беседу. Как войдет Анна во всей экипировке (компьютер, фотоаппарат, телефон) в какой-нибудь сельский клуб, Дом культуры или в чей-то жилой дом, где были

молодые ребята, так они сразу немели от картины: женщина в платочке (у всех молодых дама в платочке и длинной юбке сразу вызывает желание назвать ее старушкой), которая с компьютером на «ты», интернетом пользоваться умеет, программами навороченными управляет, фотоаппарат у нее японский последней модели. Ну, в общем, такой образ интерес вызывал у молодежи, точно. Подходили, вопросы всякие задавали о вере, о крестном ходе, о России, личные вопросы тоже. Получали простой и доходчивый ответ (слава Богу, за плечами у Ани педагогическое образование). Так у многих молодых ее собеседников развеивался миф о том, что в православии только одни старушки безграмотные пребывают»

Из воспоминаний Анны Геут: «Ноги дрожали от возбуждения предстоящей ходьбой. Руки дрожали от страха – было чувство, что ухожу пешком и добровольно от самой себя.

...Погрузиться именно в молитву в это время было сложно. Незнакомые люди вокруг, сотрудники ГИБДД, видеокамеры, прохожие с самыми разными выражениями лиц при взгляде на крестный ход – все отвлекало. Но я шла и радовалась, что, несмотря на очень быстрый темп ходьбы, у меня получается не отставать.

Когда мы вышли за город, «не отставать» стало моей единственной заботой. Разум понимал, что едва ли час прошел с начала ходьбы. Что идут вот рядом женщины, кому за пятьдесят и даже за шестьдесят. И что я, молодая и сильная, должна идти еще легче их. Но одновременно с этим казалось, что ноги вот-вот откажут. Чувствовалась по отдельности каждая мышца, хоть анатомию вспоминай. Обе стопы разболелись в кроссовках, особенно большие пальцы ног. Колело в обоих боках одновременно, дыхание сбивалось. Более того, на каждом шаге мне под ноги начали попадаться камни. Я спотыкалась и боялась упасть.

Так что молитву я пела, как придется: где-то воздуха не успею набрать, вступлю только посередине, где-то вообще отвлекусь и тут же начинаю петь с мужским хором, а не с женским! Потом вдруг я вообще перестала слышать, как поют другие, начала теряться: а когда вступать? Где пауза? Тут растянуть или не растянуть – не помню! Хорошо, рядом шла Марина – постоянная участница крестного хода из Хабаровска, – которая махала на меня рукой, когда я уж совсем завиралась в напеве.

А тут вдруг кончилось прохладное утро, и неожиданно сбоку появилось солнце, сразу резко и сильно опалив нас своими лучами. Ко всем моим мучениям добавилась невыносимая жара. Пот потек из-под косыночки по лицу, по шее, по спине. А ноги все отказывались идти. Большие пальцы ног болели все нестерпимее. В боках все колело. Дыхание все сбивалось. И спасения от этих мучений не было.

Оставалось только взмолиться. Я уже не пела «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!», я кричала в небо эти слова – именно о себе, именно о себе сейчас, о каждой своей ноге, о каждом вздохе.

И спасение пришло. Все так же болело, только боль стала не главной, не страшной, не нестерпимой. Я услышала, что вокруг асфальтированной дороги, по которой мы идем, поют сверчки. Когда мимо нас громыхал очередной дальнобойщик, нам не было слышно даже самих себя. А сверчков – было. Сверчки перепевали любой грохот.

Таким был мой первый переход: бесконечность боли и слабости, спасение и сверчки. Во время первой остановки выяснилось, что прошло всего два с половиной часа.

В течение следующих пяти недель это повторялось почти каждый день: с теми, кто присоединялся к крестному ходу.

- Что, получила благодати килограмм? - шутила я, помнится, под Большим Невером над паломницей из села Талдан. Высокая крупная женщина с глазами, будто подсвеченными изнутри, не могла сдержать дрожащей счастливой улыбки. Лицо ее помолодело, а взгляд из взгляда взрослой женщины превратился во взгляд юной девушки. Было чувство, что она из бани - так посвежела и похорошела тогда Лариса. Мокрые от пота спирали локонов, обрамляющие лицо, только усиливали эту ассоциацию. Так и хотелось сказать: «С легким паром!»

Когда я сквозь собственную боль расслышала придорожных сверчков, я начала видеть и людей, идущих рядом. В первый же день, на первой же стоянке в моем блокноте появился десяток восклицательных знаков рядом с пометкой: «Сравнить с результатами последней переписи населения!» Потому что рядом со мной шла вся страна. Мужчины и женщины, пожилые, молодые и дети, из самых разных городов, самой разной внешности, самых разных профессий. «Срез» страны.

Пример. В один из рядовых крестоходовских дней участников крестного хода шло 19 человек. Из них 9 мужчин, 10 женщин. А если переводить конкретику в абстракцию, то это будет выглядеть так: среди постоянных участников крестного хода 47,4% составляли мужчины (сравните данные последней переписи населения: в стране живут 46,6% мужчин!), 52,6% составляли женщины (в стране живут 53,4% женщин!). Если анализировать возраст: среди постоянных участников крестного хода взрослых - то есть трудоспособного возраста - людей было 57,8% (в стране - 61,3%!), пенсионеров в крестном ходу было 26,3% (в стране - 20,5%), людей младше трудоспособного возраста, т.е. детей, в крестном ходу было - 15,7%(в стране - 18,1%!).

Думаю, можно не объяснять, что далеко не каждый коллектив, собранный по тому или иному случаю, сохранит внутри себя все пропорции населения собственной родины! За доказательствами далеко ходить не надо: взять, например, пионерский лагерь: надо полагать, что пропорции нарушатся в пользу «людей младше трудоспособного возраста». Или взять филологический факультет Благовещенского педагогического университета: уж где еще, как не там, пропорции нарушаются в пользу женского общества!

В течение следующих дней крестного хода мои наблюдения за крестным ходом, как за Россией в миниатюре, лишь пополнялись.

- Кто из вас из Омска, кто из Омска?! - однажды тревожно и требовательно закричал мужчина, который проезжал мимо. Не прерывая молитвы, кто-то из сестер дернул за рукав Валентину Коростылеву - пожилую женщину, чье коричневое от загара лицо обрамляли седые до белизны локоны, выбивающиеся из-под платка, и чья походка в первые дни просто поражала меня своей легкостью. Валентина повернулась к зовущему.

- Молись за Александра-перегонщика! Я тоже из Омска! - Тон мужчины стал радостным, словно ему физически полегчало от того, что он увидел землячку.

Так я узнала, что среди нас есть человек из Омска. И начала отслеживать «географию» участников крестного хода. Дальний Восток, Сибирь и Западная Россия - люди были отовсюду. Но сейчас по количеству представителей лидирует, понятное дело, Дальний Восток - все-таки крестный ход начался с него.

- Слушай, а вон тот парень плечистый, он пловец? - спрашивал как-то меня милиционер из машины сопровождения.

- Да, - отвечала я. И снова понимала, что и здесь - в области профессий - в крестном ходе снова представлена вся страна. Спортсмен, военный, тракторист, геофизик, швея, психолог (кстати, доцент), медсестра, педагог, рабочая и так далее.

Когда я отвлеклась от своей боли, когда услышала сверчков, когда разглядела рядом с собой целую страну, тогда же и поразила чувством безвременья. Современные названия профессий а-ля «геофизик», современная техника - фотоаппарат, например, или микроавтобус под иконой, американские кроссовки на моих собственных ногах, асфальт на дороге и громыхающие мимо грузовики совершенно не мешают чувству, что ты внутри истории. Ты идешь и понимаешь, что и несколько сотен лет назад можно было увидеть впереди себя развевающиеся полы выгоревшего на солнце, просоленного потом подрясника на монахе, который несет крест впереди крестного хода. Идешь и понимаешь, что и несколько сотен лет назад бабочки также влетали внутрь крестного хода и также вили свои воображаемые кружева вокруг каждого из ходоков. Идешь и понимаешь, что коровы наверняка с таким же выражением недоумения на мордах! и несколько сотен лет назад таким же мычанием провожали идущих мимо людей с иконами. Идешь и понимаешь, что ничего не изменилось. И очень уютно становится от этой мысли. Идешь и понимаешь, что ты - дома».

Публикуется по [книге "Под звездой Богородицы" 2007-2008](#) :

Автор-составитель монахиня Анфиса (Сафиуллина)].

- [2-е изд., испр.]. - Москва : Грифон, 2015. - 367 с.